

Анна Жнец

**ПОЖЕРТВОВАТЬ
ВСЕМ РАДИ НЕЁ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж77

Жнец А.

Ж77 Пожертвовать всем ради неё / Анна Жнец – М.: Литнет, 2025. – 192 с.

ISBN 978-5-521-94294-7

Во время охоты Илриан, эльфийский маг, находит в лесу раненую девушку. Она при смерти. И она... его истинная пара! Спасти незнакомку от гибели могут только духи леса, но за свою помощь они требуют чудовищно высокую плату. Илриану приходится отдать им самое ценное — магию и голос. Теперь он нем и не может колдовать. Зато его истинная жива, и они обязательно обретут счастье в любви! Да? Нет. Вмешивается случай. На запястьях эльфа застегиваются рабские оковы. Своим спасителем красавица считает другого мужчину, а в нем, Илриане, видит врага. Как донести до любимой правду, если за ее жизнь он заплатил вечным молчанием?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94294-7

© Литнет, 2025
© А. Жнец, 2025

Глава 1. Встреча в лесу

За деревьями кто-то стонал от боли, и утро, пронизанное золотом солнечных лучей, больше не казалось безмятежным.

Илриан вернул стрелу в кожаный колчан за спиной и пошел на звук, но старался двигаться бесшумно и все время озирался, ибо Пограничный лес не то место, где можно позволить себе расслабиться.

Под ногами пружинил мох. Вековые дубы вокруг шептались на языке ветра.

Последний жалобный стон донесся из кустов орешника – тронул тишину слабым эхом и больше не повторился.

Возможно, страдалец, прервавший охоту эльфийского мага, испустил дух.

Перед тем, как отвести в стороны ветки кустов, Илриан еще раз прислушался к таинственным, шелковистым шорохам лесной чащи: не пытаются ли его заманить в ловушку, поймав на крючок жалости? Пограничье кишмя кишит ненавистными людишками, а тем лишь бы только пролить эльфийскую кровь.

Но нет, тихо. Кажется, никто не притаился в засаде, дожидаясь удачного момента, чтобы напасть.

Круглая полянка за стеной орешника купалась в солнечном свете, а на ее краю, в высокой траве, лежала девушка в белом платье. И именно благодаря тому, что платье на ней было таким кипенно-белым, кровавая рана в животе сразу бросилась в глаза.

Дева.

Одна в лесу.

При смерти.

Илриан нахмурился. Ему совсем не было стыдно за то, что он не кинулся незнакомке на помощь в ту же секунду, как увидел, что она истекает кровью, а перво-наперво посмотрел на ее уши.

Человек.

Он стиснул зубы и шагнул назад, уходя с солнечной поляны в тень под кронами деревьев-гигантов.

И все же совесть не позволила ему уйти от своей злополучной находки слишком далеко. На душе было беспокойно, а угрюмые дубы, меж которых пролегал его путь, глядели на эльфа с молчаливым неодобрением.

Будь на месте раненой незнакомки мужчина, Илриан ни за что не вернулся бы на поляну, но молодая девица, пусть и человечка, вряд ли успела причинить вред кому-нибудь из его народа.

«Не успела. Вот именно! Просто не успела», – подумал он, сжав кулаки, но все-таки опустился на колени рядом с этой страдающей человеческой девушкой.

Глаза безымянной красавицы были закрыты, на щеках дрожали тени от пушистых ресниц, длинные волосы рассыпались по траве языками рыжего пламени. Из живота торчала стрела с зеленым оперением.

Зеленым.

Илриан озадаченно свел брови.

За его спиной висел колчан со стрелами, и хвостики у них были точно такие же по форме и цвету.

Выходит, бедняжку подстрелил эльф. В ее животе была эльфийская стрела.

Но зачем кому-то из его народа покушаться на жизнь беззащитной девы? Из ненависти к людям? Но женщины и дети неприкосновенны!

Злой на своего сородича, грубо поправшего эльфийский кодекс чести, Илриан взял девушку за руку, чтобы проверить пульс, и в ту же секунду его будто пронзило молнией. Он вздрогнул. Вокруг его пальцев, лежащих на запястье раненой, возникла сфера золотистого света, мерцающая в такт биению сердца.

В венах тотчас забурлила раскаленная лава, и эта лава устре-

милась прямым в пах, ударив туда волной невыносимого удовольствия.

Что с ним? Что это такое?

Илриан в ужасе отпрянул от странной человечки, выпустив из руки ее белую безвольную кисть со следами крови. Похоже, этой ладонью несчастная зажимала рану в животе, пока не потеряла сознание от боли и слабости.

Как только прикосновение было разорвано, волшебство, так напугавшее эльфа, исчезло, но не его последствия.

Сердце в груди громыало спятившим барабаном. Кожа горела, словно под ней трещал невидимый огонь. Судя по тому, как щипало лицо, Илриан был весь красный. Его трясло.

С опаской он покосился на девушку, прикосновение к которой буквально обожгло его. Кинул на нее один настороженный взгляд – и задохнулся от бури чувств.

Рыжеволосая незнакомка показалась ему самой прекрасной женщиной на свете, она словно светила изнутри. Илриана влекло к ней с неодолимой силой.

«Сияние», – понял эльф сначала с восторгом, а затем с ужасом.

Из жара его бросило в холод.

– Нет, – замотал он головой, пытаясь от человечки, истекающей кровью. – Нет, нет, нет.

Она – враг! Да еще и вот-вот испустит последний вздох.

Он не хотел этих чувств!

Но у него не спрашивали. Боги распорядились его судьбой так, как посчитали нужным.

С каждой секундой нежное и страстное чувство, пустившее корни в его груди, крепло и разрасталось. Он не мог ему сопротивляться, больше не принадлежал самому себе. Стал рабом этой женщины, рабом Сияния.

Задышавшись от счастья и паники, Илриан снова подполз на коленях к своей... истинной, к девушке, которая еще минуту назад была

для него незнакомой, чужой и вдруг стала самой дорогой и родной на свете. Стрела эльфийского лучника торчала из раны в ее животе, и белое платье стремительно пропитывалось кровью. Теперь он видел, что кровь повсюду, не только на одежде – впиталась в землю, окропила зловещими красными брызгами сочные стебельки травы.

– Она умирает, – шепнул эльф дрогнувшим голосом и дернулся, как от удара хлыста. – Она... она... умирает.

Если она умрет, сияние померкнет! Тот, кто познал сияние, не выдержит жизни во тьме. Погасшие эльфы, мужчины, потерявшие свою пару, от горя сходят с ума. Они более не чувствуют вкуса радости, их души каменеют и отмирают, словно ткани, пораженные гангреной.

– Надо ее спасти. Надо спасти.

И ее, и себя.

Дрожащими руками Илриан обломал древко стрелы и как мог осторожно вытащил железный наконечник из поврежденной, развооруженной плоти. Далее он стянул через голову свою тунуку и зажал тканью рану, но его избранница продолжала бледнеть. Ее пульс слабел. Между сомкнутыми губами собиралась полоска красной влаги. Это кровь поднималась по горлу, предвещая скорый конец.

Счет шел на минуты, на секунды...

Засиять и сразу погаснуть – несправедливо, нечестно, жестоко! Он не мог ее потерять! Не мог! Не успел вкусить счастья, а на языке уже горечь тлена.

Ох, если бы Илриан был целителем, но нет. Его магия боевая, а не лечебная. Он не сможет заживить смертельную рану, как и не успеет донести свою избранницу до эльфийских знахарей.

А значит, остается одно.

Чтобы спасти свою пару и спастись самому, Илриан решил на отчаянный шаг.

Редкий безумец отважился бы на подобное безрассудство, но у него не было выбора.

И он рискнул.

Илриан надеялся, что поблизости нет людей, которые могут его услышать, ведь к своему дару эльфы – что боевые маги, что бытовые, что целители – зывали с помощью песни.

Когда кто-то из его народа начинал петь, все вокруг замирали, замороженные сильным, выразительным голосом. Девы теряли головы от любви к его обладателю. Вражеские воины опускали мечи и луки, не в силах противиться желанию дослушать волшебную песню до конца. Тут-то коварные дети леса и косили зазевавшихся человечков. Так что голоса эльфов были грозным оружием, совсем как у далеких морских сирен, обитающих в южных водах у мыса Вековой Скорби.

Левую ладонь Илриан упер в землю, обагрённую кровью, правую – положил себе на грудь, ловя частые, беспокойные толчки сердца. После сосредоточился и запел, открывая источник магии, что пульсировал внутри него огненным сгустком.

Звуки мягкого баритона, богатого на оттенки, растекались по воздуху сладким медом. С каждой секундой голос эльфа креп, набирал глубину и мощь. Сила, порожденная им, гудела, закручиваясь над поляной искрящим вихрем, от нее с деревьев срывало листья, а волоски на коже вставали дыбом.

Илриан чувствовал, как дрожат от напряжения голосовые связки, как болезненно горят легкие, как от распирающей магии растёт жар в груди, становясь практически нестерпимым. Готовый вот-вот охрипнуть, он тянул свою колдовскую песню и не сводил глаз с девушки на земле, понимая, что ее время почти на исходе.

Наконец сущность, к которой он зывал, откликнулась.

Со стороны дубов на поляну, поглощая солнечный свет, наполнила густая тень. Золото на стволах деревьев таяло, сочная зелень травы темнела. Еще секунду назад на небе не было ни облачка, но вот в мгновение ока ясную синеву поглотили рыхлые свинцовые тучи. За три взмаха ресниц яркий, погожий день сменился вечерними сумерками.

По коже побежали иголки холода.

— Кто ты и зачем пробудил нас?

Из набрякшей черноты над головой Илриана раздался голос, похожий на раскат грома. На небольшом расстоянии друг от друга сверкнули две короткие симметричные молнии, словно из грозового сумрака на эльфа взглянули сердитые глаза. И под взглядом этих сердитых глаз он попятился, не сумев сдержать внутренней дрожи.

Трава тихо зашуршала под его отступающими шагами. В следующую секунду Илриан заставил себя остановиться и задрал лицо к бугрящейся над ним тьме.

— Мое имя Илриан, — ответил он голосу, вопрошающему из косматых туч. — Я боевой маг из Дома Цветущего Древа. Один из хранителей и защитников Пограничья. И я молю о помощи, о великое, могучее божество. Спаси эту девушку от смерти. Вместе с ней погибнет и моя душа.

От незримой сущности, более древней, чем эльфийская раса, исходили волны зловещей, подавляющей силы. От этой силы подгибались колени и воздух замерзал в горле кристаллами льда. Илриан едва дышал.

— Плата будет высокой, — прогремел голос, и снова на черном небе блеснули глаза-молнии. — За самое дорогое ты заплатишь самым дорогим. Готов, смертный?

— Готов, — заявил Илриан, сжав и разжав кулаки.

Разве может быть что-то хуже безумия от потери истинной? Даже смерть не столь страшна, как жизнь во мраке, когда твое сияние погасло.

И все же вдоль позвоночника зазмеился холодок. Какую цену назначит древнее божество? Что требует за свою помощь?

Илриан опустил взгляд на раненую девушку у своих ног. Кровавая лужица между ее губ росла, готовая вот-вот стечь на подбородок. При виде этой картины он почувствовал, что под мышками стало влажно, и отчетливо уловил запах собственного пота. Впервые его пот пах настолько неприятно.

Она же вот-вот умрет! Надо поторопиться, пока его истинная окончательно не ушла за грань, откуда ее будет не вернуть. Нелзя терять ни секунды!

– Прошу, скорее! Давай скорее заключим договор. Помоги ей! Я готов отдать тебе все, что ты за...

– Твой голос.

Илриан осекся.

На несколько мгновений он застыл в ступоре, затем пошатнулся, как если бы земля под ним вздыбилась.

– Мой...

У него зашумело в ушах. Шум нарастал, истончаясь до пронзительного, визгливого писка. Пытаясь от него избавиться, Илриан тряхнул головой.

– Мой, – повторил он пересохшими губами, – голос?

Но ведь если у него заберут голос, он лишится не только речи, но и... магии. Не только станет немым, но и не сможет сотворить ни одного заклинания, ведь волшебство рождается с помощью звуков эльфийской песни и никаким иным способом.

Его затошнило. Запах пота усилился, стал еще более резким и омерзительным.

В отчаянной надежде на другой ответ Илриан переспросил:

– Ты хочешь за свою помощь... Я, наверное, неправильно понял. Что ты хочешь за свою помощь?

Может, он ослышался? Наверняка существо, принявшее облик грозовой тучи, имело в виду совсем другое.

Но с железной, не оставляющей надежд непреклонностью божество повторило:

– Твой голос.

Голос...

Его дар останется с ним, но воспользоваться им без голоса Илриан не сможет.

Он задрожал. Дрожь, зародившаяся в кончиках пальцев, побежала вверх по рукам и постепенно охватила все его тело.

Оцепеневший, он опустил взгляд на девушку в белом окровавленном платье, на незнакомку, имени которой не знал. По ее губе на подбородок медленно покатилась красная струйка влаги.

Скорее!

– Я согласен, – выпалил эльф и в безотчетном жесте коснулся своего горла.

Он думал, что его лишат речи сразу после этих слов, но вызванное им божество заставило Илриана повторить за ним текст заклинания на незнакомом языке.

Слушая свой голос, сочный, мелодичный, певучий, Илриан морщился от боли, ибо тот звучал в последний раз. Как только он договаривает, его уста замолкнут навек. Трепещущий огонек дара в груди не погаснет, но будет похоронен внутри, словно в склепе.

И вот заклинание было произнесено.

– Теперь ты вырежешь мне язык? – спросил Илриан, содрогнувшись.

Эта фраза стала его последней. Когда он в очередной раз попытался что-то сказать, то, вместо своего глубокого красивого голоса, услышал невнятное мычание.

Илриан нахмурился, затем шумно вздохнул – понял: эти противные звуки раздавались из его рта! Их издавал он! Тот, который завораживал всех своим пением.

Он знал, что его ждет, но все равно ошеломленно схватился за горло. Подвигал языком. Язык был на месте, однако ничего сказать не получалось. Илриан ощущал себя рыбой. Снова и снова он открывал рот, шевелил губами, но его речь звучала так бесвязно и омерзительно, что лучше было молчать.

Илриан крепко стиснул зубы.

Небо прояснилось. Зловещая тень отползала с поляны в глубину леса, уступая место солнечным лучам. Все вокруг опять сияло, облитое золотом, а он стоял посреди этого буйства красок, сгорбившись и безвольно уронив руки вдоль боков, будто последний